

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.109-3+929Солженицын
ББК 83.3(2Рос+Рус)6-923
DOI 10.18522/1995-0640-2024-2-94-102

ИРОНИЯ В МЕМУАРАХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Гульнара Монеровна Алтынбаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Аннотация. Представлены формы иронии в мемуарном дискурсе А. И. Солженицына, проанализированы их функции. Ироническое мышление писателя показано на композиционном, проблемном и стилистическом уровнях мемуарных книг «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов». С помощью такого приема выражается авторская позиция и личное отношение к событиям и людям, но ирония не является основой мышления Солженицына – писателя-христианина и писателя-реалиста.

Ключевые слова: *А. И. Солженицын, «Бодался телёнок с дубом», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», писательские мемуары, образ автора в мемуарах, ирония*

Для цитирования: *Алтынбаева Г. М. Ирония в мемуарах А. И. Солженицына // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 2. С. 94–102.*

Original article

IRONY IN A. I. SOLZHENITSYN'S MEMOIRS

Gulnara M. Altynbaeva

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article presents the forms of irony in the memoir discourse of A.I. Solzhenitsyn, analyzes their functions. The writer's ironic thinking is shown at the compositional, problematic, and stylistic levels of the memoirs in the books "The Oak and the Calf" and "Between Two Millstones". The author of the article proves that with the help of irony as a stylistic device Solzhenitsyn expresses his author's position and his personal attitude to the events and people, but irony is not the basis of Solzhenitsyn's thinking as a Christian writer and a realist writer.

Key words: *A. I. Solzhenitsyn, "The Oak and the Calf", "Between Two Millstones", writer's memoirs, author in memoirs, irony*

For citation: *Altynbaeva G.M. Irony in A. I. Solzhenitsyn's Memoirs // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 2. P. 94–102.*

Введение

Н. Т. Рымарь, размышляя о художественном языке XX в., назвал иронию его «одной из фундаментальных особенностей» [Рымарь, 2004, с. 4]. При этом важно разграничить модернистскую иронию как мировоззрение, советскую иронию как часть советского фундаментального лексикона, иронию как прием у писателей самиздата, тамиздата и третьей волны русского зарубежья и постмодернистскую иронию. В творчестве А. И. Солженицына, одного из ключевых мыслителей XX в. – подпольщиков и изгнанников, ирония как

прием представлена многофункционально. Корень такой особенности, на наш взгляд, точно определяет о. А. Шмеман: «Всецело этой советской реальности принадлежа, он столь же всецело и полностью от нее *свободен* ... свободен он не *от* советской действительности, а *в* самой советской действительности. И это создает между ним и этим миром совсем особое соотношение и – в творческом плане – одного его сейчас делает способным мир этот изнутри *явить*, творчески *объяснить* и, наконец, *преодолеть*» [Шмеман, 2009, с. 761–762]. Внутренняя свобода позволяет Солженицыну применить в текстах разных жанров многообразные формы иронии: и словесную, и ситуационную, и переживание «иронии истории», и цитацию иронических суждений не только мыслителей прошлого, но и современников писателя, и «беззлобную, русскую, даже веселую иронию», и иронию как «форму плача о человеке» [Иоанн, 1992, с. 336].

Исследователи Солженицына писали об иронии в его художественном творчестве [Герасимова, 2018; Голубков, 2019; Гончарова-Грабовская, 2019; Комарова, 2000; Нива, 2014; Романов, 2018; Федянина, 2019; Щедрина, 2010]. По словам Ж. Нива, у Солженицына ирония – это скрытая форма непрерывной словесной борьбы с идеологией [Нива, 1978, с. 313]. Он выделяет в творчестве писателя трагическую иронию, горькую иронию, «привкус иронической разнузданности», «самозащиту иронией», «иронию против скептицизма читателя». Но читатель гораздо чаще сталкивается со всеми формами иронии не в художественных текстах Солженицына, а в мемуарных: от лёгкой иронии, порой защитной, до сарказма, от самоиронии до сатирических образов. Солженицынская ирония в мемуарных книгах – это смелая авторская оценочная позиция.

Цель настоящей работы – представить формы и функции иронии в мемуарных очерках «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов».

Ироническое слово в мемуарах: от композиции к содержанию

Ирония является важным инструментом Солженицына, начиная с выбора названия мемуарных книг и заглавий отдельных частей.

По его словам, сам жанр мемуаров придуман с ироническим расчетом: «*Это не только слегка иронически, это полностью ироническое... Это значит – до чего довели нашу литературную жизнь, что она уже не похожа на литературную жизнь*» (интервью с Хилтоном Крамером, критиком «Нью-Йорк таймс», в связи с выходом английского перевода книги «Бодался телёнок с дубом» (20 апреля 1980 г.)) [Солженицын, 1996, с. 533].

В 1975 г. в телеинтервью с Бернаром Пиво писатель сказал: «*Есть такая пословица русская: бодался телёнок с дубом. Как многие пословицы, она иронична по замыслу. <...> Я взял эту пословицу названием своей книги для того, чтобы выразить то истинное соотношение сил, которое было в моём невольном, навязанном мне поединке с властью за мою литературную работу*» [Солженицын, 1996, с. 261]. Такой же выбор – в основе и второй мемуарной книги Солженицына. В аннотации сказано: «*...очерки изгнания оказались и очерками литературной жизни – как в горько-ироническом смысле, так и в смысле прямом и высоком*» [Солженицын, 2021, с. 2]. По нашему наблюдению, выбор иронического заголовка как для художественного (например, неоконченная повесть «Люби революцию»), так и для нехудожественного произведения, обращенного к оппонентам Солженицына, был эстетическим приемом писателя:

«Образованщина» (1974), «Наши плюралисты» (1982), «Игра на струнах пустоты» (1993), «Потёмщики света не ищут» (2003).

Эта же тенденция сохраняется в композиции мемуарных книг – от заголовка до финального предложения, часто афористичного, близкого к жанру пословицы. В заголовок выносятся смысловое ядро части, которое в сюжете заостряется фактами-доказательствами и авторскими комментариями.

Так, в «Телёнке», в главе «Писатель-подпольщик», посвященной подпольному писательству Солженицына, авторское размышление начинается ироническим «*то не диво, когда подпольщиками бывают революционеры. Диво – когда писатели*», затем – «*просыпаешься однажды утром: батюшки, да ведь я давно подпольщик!*», «*страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы), если б меня не посадили*» и, наконец, «*но всё-таки: не о том печься – мир бы тебя узнал, а наоборот, нырять в подполье, чтобы не дай Бог не узнал, – этот писательский удел родной наш, русский, русско-советский!*» [Солженицын, 2018b, с. 9]. В начале «Очерков литературной жизни» звучит ироническое сомнение Солженицына: «*Я всё ещё не верил, что сотрясение общества сможет вызвать и начать литература (хотя не русская ли история это нам уже показала?!)*» [Солженицын, 2018b, с. 12], которое к концу книги сменяется на авторскую мысль о слове писательской правды, завершающей его Нобелевскую лекцию.

В главе «Подранок» автор предупреждает: «*Охотники знают, что подранок бывает опасен*» [Солженицын, 2018b, с. 174], во втором дополнении «Прорвало» эта мысль звучит уже с оттенком зрелости: «*Не спроворилась чёртова пасть откусить мне голову вовремя. Подранок залечился и утвердел на ногах*» [Солженицын, 2018b, с. 228]. Четвёртое дополнение, описывающее травлю Солженицына, которая кончилась высылкой в феврале 1974 г., писатель назвал «Пришло молодцу к концу».

В «Очерках изгнания» время поисков для постоянного проживания Солженицын назвал горько-иронически: «Без прикрепы», обдумывание этой проблемы продолжается в иронически названной главе «Ещё год перекаати». Глава о борьбе с западными журналистами, издателями, переводчиками получила название «Хищники и лопухи», полемика эта продолжается в главах «Сквозь чад» и «Тараканья рать».

Ироническое слово Солженицына наиболее полно реализуется на проблемно-тематическом и образном уровнях мемуаров.

Остро-иронические рассуждения Солженицына касаются важных для него тем: в «Телёнке» – литературная жизнь писателя в СССР, в «Зёрнышке» – общение с западными журналистами, издателями и переводчиками.

Портретные характеристики заметных советских деятелей беспощадны: «*Ильичёв подкидывал голову с блинной улыбкой*» [Солженицын, 2018b, с. 76]; «*разжиревший вышибала, председатель композиторского союза Хренников*»; «*цыгановатый Чухрай такой модный среди передовых, надежда либерализма, – и такой осторожный*»; «*на возвышенной трибуне выглядел он (Шолохов. – Г. А.) ещё ничтожнее, чем вблизи, да и бурчал невнятно*» [Солженицын, 2018b, с. 77]; «*главный душитель литературы и искусства*» Поликарпов [Солженицын, 2018b, с. 59]; «*обрядоверный марксист*» Щипачёв [Солженицын, 2018b, с. 69]; «*комичный маленький Елизар Мальцев. (Поставлен фракциями как фигура легкоуправляемая.)*» [Солженицын, 2018b, с. 83]; «*распалённым яростным кабаном выглядел Дементьев к концу своего монолога, и положить бы сейчас перед ним полтора страница той машинописи – он бы, кажется, клыками их разметал*» [Солженицын, 2018b, с. 38] и т. д.

Главной проблемой Солженицына в 1960-е гг. было движение его текстов в печать. Нелегко было сдерживаться от порывов защищать, открыто противостоять и бороться, «на каждом жизненном шагу сталкиваясь с чванством, грубостью, дуростью и корыстью начальства всех ступеней и всех учреждений... <...> Это было очень нелегко!» [Солженицын, 2018b, с. 11].

В своих оценках советской бюрократии Солженицын демонстрирует субъективное суждение, и в то же время его безапелляционность убедительна: «Вообще: союз писателей, не принявший когда-то Цветаеву, проклявший Замятина, травивший Булгакова, отдавший на смерть Мандельштама, Павла Васильева, Пильняка, Артёма Весёлого, исторгнувший Ахматову и Пастернака, этот прожжённый союз представлялся мне из подполья совершенным Содомом и Гоморрой, теми ларёшниками и менялами, захлаившими и осквернившими храм, чьи столы надо опрокидывать, а самих бичом изгонять на внешние ступени» [Солженицын, 2018b, с. 13]. Сатира и ирония нераздельны, евангельская реминисценция убийственно иронична.

Но не жалеет он и писателей, «светлых умов и даже, может быть, гениев», ставших жертвами «чекистской метлы», отказавшихся от внутренней свободы [Солженицын, 2018b, с. 13].

В «Телёнке» нередко с помощью народных выражений или авторских афоризмов, можно сказать, иронически раскрывается механизм литературной жизни и её неизменных участников. Например: «Да, обстоятельства заставляют нас читать между строк (как будто они иначе когда делали)»; «Сука всегда спасает щенка (то есть как КПСС – молодёжь)» [Солженицын, 2018b, с. 76].

В «Зёрнышке» подобные формулы обращены к «западной медиа в её яростном расхвате», к «корреспондентской толпе»: «Они теснились и ждали утренней добычи новостей» [Солженицын, 2021, с. 12]; «Вся Тараканья рать такое и твердит, это у них – общий для меня образ, опять сомкнулись, да берут друг у друга. Какая же ничтожная суета, какие мелкие перебежки многими ножками. <...> Научит горюна чужая сторона» [Солженицын, 2021, с. 406] и т. д.

Солженицын рисует иронические, почти идентичные портреты своих оппонентов – советских критиков и западных журналистов: «тараканья рать. Не одно зевло драконье, а множество мелких, и – как против них» [Солженицын, 2018b, с. 118]; «В любом уголке Земли, любой дегенеративный репортёр может печатать обо мне любое враньё – в этом для них святая свобода! святая демократия!» [Солженицын, 2021, с. 406]. Вступления в спор с ними Солженицын всячески пытался избежать, но, по его собственному признанию, «политическая страсть мне врождена» [Солженицын, 2021, с. 21], поэтому инстинктивный риск превратиться в «балаболку» неизбежен. «И если б на нашей несчастной родине не было погублено столько общественно активных людей, так что физикам-математикам приходится браться за социологию, а поэтам за политическое ораторство, – я отныне и осталься бы в пределах литературы» [Солженицын, 2021, с. 21]. Спустя время Солженицын вдруг замечает признаки «политической страсти» в старшем сыне и горько-иронически предостерегает его: «Выпирает из Ермолая политическая страсть, тоже в меня? Ещё не знает, бедный, что это за трёпка, и сколько надо сил, и высшего сознания, и внутреннего устояния» [Солженицын, 2021, с. 486].

Наибольшие иронические стрелы были пущены в адрес «Нового мира», «дремлющего журнала» [Солженицын, 2018b, с. 50], во главе которого – «верхний мужик» Твардовский, «три охранителя Главного – Дементьев, Закс и Кондратович» [Солженицын, 2018b, с. 23], над ними – «верховой мужик» Хрущёв. Даже описание интервьюера редакции не лишено иронии: «широкая бар-

ская лестница “Нового мира” – в кино эту лестницу снимать для сцены бала» [Солженицын, 2018b, с. 21]. Давая оценку главному литературному журналу, Солженицын тем самым характеризует весь тогдашний журнальный мир СССР: «*Но я всё равно не могу отойти от ощущения, что “Новый мир” далеко не делал высшего из возможного*» [Солженицын, 2018b, с. 55]. Солженицынские определения публикуемых в «Новом мире», «Москве», «Знамени» материалов подчеркнута ироничны: «нейтралка», «несъедобщина», «серятина».

Параллелизм, сопоставление, метафоризация – художественные приемы, к которым прибегает Солженицын-мемуарист в дополнение к иронии.

Самоирония

Давая оценку другим, Солженицын в первую очередь к себе самому относится со всей строгостью, но нередко и самоиронично.

Такие характеристики звучат, когда он замечает за собой черты сытости, удовлетворения, которых он был лишен в лагерно-ссылный период жизни, а потом и во время подпольного писательства: «*Естественно было вскочить мне – недалеко я сидел, и ряжка у меня была изрядная*» [Солженицын, 2018b, с. 36]. С одной стороны, рационально он понимает, что «*изнуряющая литературная конспирация*» вызвана необходимостью («*Но стоял у наших ног заветный чемоданчик со всеми рукописями*» [Солженицын, 2018b, с. 36]), с другой – эмоционально доходит и до самобичевания, когда понимает, что лишен «*свободы поступков, свободы высказываний, свободы выпрямленной спины*» («*И я позорно, трусливо сидел, потупя глаза от женских упрёков, что мы – не мужины*» [Солженицын, 2018b, с. 36]).

Еще к самоиронии Солженицын прибегает, когда замечает, что *забывается* от внезапной славы после выхода «Одного дня Ивана Денисовича», он назвал это время «*месяцем мёда с Твардовским*». Писатель признается, что «*попал в положение упрашивающего – о собственных вещах упрашивающего кому-то показать*» [Солженицын, 2018b, с. 52]. И вот солженицынский урок другим писателям, оказавшимся в подобной ситуации: «*Бывают минуты, когда слабеет, мешается наш рассудок. Когда излишнее предвидение обращается в грубейшую слепоту, расчёт – в растерянность, воля – в безхарактерность. (Без таких провалов мы не знали бы себе границ.)*» [Солженицын, 2018b, с. 123].

В мемуарных книгах Солженицына нередко встречается и самоироничное определение «*наивный*». Такая самооценка возникает, когда он понимает, что его оппонент глух: «*Наивен же я был, что раскается корреспондент, агентство или газета!*» [Солженицын, 2021, с. 21]; «*наивно придумал пригрозить Советам*» [Солженицын, 2021, с. 20]; «*До гарвардской речи я наивно полагал, что попал в общество, где можно говорить, что думаешь, а не льстить этому обществу*» [Солженицын, 2021, с. 173]. Такими же «*наивными*» показаны Люша (Елена Цезаревна Чуковская), Сахаров, оказавшиеся в подобных столкновениях с властью.

Еще один уровень иронического мышления Солженицына в мемуарных книгах – это **интертекстуальность**. Следуя русской традиции, он передает чужие слова (цитаты из выступлений, речей, разговоров, фрагменты художественных и публицистических текстов, др.) через несобственно-прямую речь с комментариями и интонированием – имитацией манеры речи.

Не раз Солженицын дает характеристики членам редколлегии «Нового мира» или Союза писателей, иронически обыгрывая их портреты, манеру вести себя, пересказывая отдельные фрагменты их выступлений. Так, о Дементьеве он пишет: «*И куда же делось то лукаво-дружеское, то душевно-*

дружеское его выражение в приятном отклоне седеющей головы? И как ожестело его покоряюще-милое оканье! Как нарумянило его, как распалило, и до самых ушей! Одно только: он не вещал с Олимпа, а спорил, волнуясь, – волнуясь не выиграть, не убедить» [Солженицын, 2018b, с. 37–38].

Авторская ирония в мемуарах Солженицына передается не только на содержательном уровне, но и композиционно – с помощью графических средств (интонация (ударение), кавычки, курсив, разрядка), риторических вопросов и восклицаний, а также авторских приемов (ремарки, сноски, примечания). Такой нарратив – важный способ проявления авторской личности в писательской мемуаристике [Алтынбаева, 2020].

Ирония как диалог автора с читателем

Диалогичность – характерный солженицынский эстетический принцип, который проявляется на жанровом и риторическом уровнях. «*Пристрастный энтузиазм*» Солженицына отличается остротой, критичностью, ироничностью.

При всесторонности иронии именно его мемуарные книги убедили нас в том, что для него, русского писателя-христианина, ирония не становится частью мировоззрения, а остается в пределах приема, хотя и очень действенного. В этой связи ценным для нас стало утверждение о. А. Шмемана, что «все подлинное в русской культуре чуждо цинизму, глумлению, как и равнодушной иронии, которые часто чувствуются в излучениях других культур» [Шмеман, 2021, с. 211]. Ирония у Солженицына в полной мере реализуется как вид повествования, метод борьбы «*в поединке с властью*». В статье «...Колеблет твой треножник» писатель прямо выступает против иронии как постмодернистского мировоззрения: «*Распушенная и больная своей распушенностью, до ломки граней достоинства, с удушающими порциями кривляний, она (литература постмодернизма. – Г. А.) силится представить всеиронию, игру и вольность самодостаточным Новым Словом, – часто скрывая за ними бесплодие, вспышки несущественности, переигрывание пустоты*» [Солженицын, 2001, с. 455].

Заключение

Характеризуя жанр мемуаров, Солженицын сказал: «*Труд воспоминания так, оказывается, велик и утомляет, что перу остаётся меньше художественной и языковой свободы, чем при романе. Не ожидал. Пишу – просто как дышится, безо всяких приёмов... почти не как литературное произведение...*» [Солженицын, 2018a, с. 5]. Ирония как художественный прием органично встроена в мемуарный дискурс Солженицына. Ироническое слово писателя в мемуарных книгах выполняет важную роль. В «Очерках литературной жизни» его внимание обращено к советской литературно-журнально-издательской среде, в «Очерках изгнания» – к западным СМИ, издателям, читателям, в «Очерках возвратных лет» – к российским властям 1990-х. С одной стороны, ирония позволяет Солженицыну разоблачать недостатки, пороки, безнравственность, ограниченность, извращение свободы, с другой – как и во всем творчестве, особая полифоничность писателя и иронии превращает в прием развертывания перед читателем-соотечественником оппозиционных/полемических друг другу точек зрения на события, свидетелем которых он был. Как отметил Ж. Нива, ирония Солженицына «напоминает об изнанке вещей тому, кто мог бы о ней забыть» [Нива, 2014, с. 323]. И, с третьей стороны, благодаря иронии перед нами динамичнее, богаче предстает авторская оценка событий и их участников.

Для понимания эстетики Солженицына важно, что писатель не столько против, сколько за. Ирония стала очень важным приемом, укрепляющим позицию А. И. Солженицына. Он – за слово правды, за достоверность и доказательность, за свободу и самоограничение, за сохранение народной, культурной и исторической памяти, за Россию и русскую национальную идентичность. Главная цель солженицынской иронии – побудить читателя к отстранению от идеологических шаблонов, к самозащите от лжи, развить и укрепить читательское критическое мышление.

Список источников

Алтынбаева Г. М. Комментарий в скобках как способ проявления авторской личности в «очерках литературной жизни» «Бодался телёнок с дубом» А. И. Солженицына // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 81–84.

Герасимова Л. Е. Пневматология как свойство реализма А. И. Солженицына в «Красном колесе» // Пунктирная линия жизни : сб. ст. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2018. С. 13–21.

Голубков М. М. На диаметре векового круга: Солженицын vs Горький // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2019. № 1. С. 17–24.

Гончарова-Грабовская С. Я. Драматическая трилогия А. И. Солженицына «1945 год» как жанровая триада // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2019. № 1. С. 12–16.

Иоанн, архиеп. Сан-Францисский (Шаховской Д. А.). Избранное. Петрозаводск: Святой остров, 1992. 574 с.

Комарова В. А. И. Солженицын как мастер иронии (на основе романа «В круге первом») // Вестн. Хакасского ун-та. Серия : Языкознание. 2000. Вып. 1. С. 118–125.

Нива Ж. Александр Солженицын: борец и писатель / пер. с фр. В. А. Петрова в сотр. с автором. СПб.: Вита Нова, 2014. 336 с.

Нива Ж. Слово и взгляд у Солженицына // Континент. 1978. № 18. С. 309–340.

Романов Д. А. Эпос малой формы: лингвопоэтика рассказов Л. Н. Толстого и А. И. Солженицына // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в прошедшем времени : материалы Всерос. науч. конф. (Липецк, 9–11 октября 2018 г.). Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2018. С. 209–217.

Рымарь Н. Т. Ирония и мимезис: к проблеме художественного языка XX века // Ирония и пародия : межвуз. сб. науч. ст. Самара: Самарский ун-т, 2004. С. 4–17.

Солженицын А. (а) Из наследия. Воспоминания. Детство / публ., подг. текста и прим. Н. Д. Солженицыной // Солженицынские тетради : материалы и исследования / гл. ред. А. С. Немзер. М.: Русский путь, 2018. Вып. 6. С. 5–34.

Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 2 : Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1996. 624 с.

Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7 : В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 512 с.

Солженицын А. И. (б) Собр. соч. : в 30 т. Т. 28 : Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни. М.: Время, 2018. 768 с.

Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 29 : Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: очерки изгнания. М.: Время, 2021. 880 с.

Федянина М. Е. После бани: рассказ «Улыбка Будды» и его импликации // Филол. науки. 2019. № 1. С. 114–120.

Шмеман А., прот. Основы русской культуры: беседы, 1970–1971. М.: Русский путь; Изд-во Православного Свято-Тихоновского гум. ун-та, 2021. 248 с.

Шмеман А., прот. Собр. ст. 1947–1983. М.: Русский путь, 2009. 896 с.

Щедрина Н. М. Формы выражения авторского присутствия. Роль авторской иронии // «Красное колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 153–162.

References

- Alтынбаева G.M. (2020). A Commentary in Parentheses as a Means of Manifesting the Author's Personality in the Memoir Book by A. I. Solzhenitsyn "The Oak and the Calf". *Proceedings of Saratov University. Philology. Journalism*, vol. 20, iss. 1, pp. 81-84. (In Russian).
- Fedyanina M.E. (2019). After the bath: the story "The Buddha's Smile" and its implications. *Philological Sciences*, no. 1, pp. 114-120. (In Russian).
- Gerasimova L.E. (2018). Pneumatology as a property of A. I. Solzhenitsyn's realism in "The Red Wheel". *Dotted life's line*. Saratov, Saratov State University Publishing House, pp. 13-21. (In Russian).
- Golubkov M.M. (2019). On the diameter of the circle century: Solzhenitsyn vs Gorky. *Journal of the Belarusian State University. Philology*, no. 1, pp. 17-24. (In Russian).
- Goncharova-Grabovskaya S.Ya. (2019). A. I. Solzhenitsyn's dramatic trilogy "1945" as a genre triad. *Journal of the Belarusian State University. Philology*, no. 1, pp. 12-16. (In Russian).
- John, Archbishop of San Francisco (Shakhovskoy D. A.) (1992). *Selected works*. Petrozavodsk, Holy Island, 574 p. (In Russian).
- Komarova V. (2000). A. I. Solzhenitsyn as a master of irony (on the novel "The First Circle"). *Bulletin of the Khakass University. Linguistics*, iss. 1, pp. 118-125. (In Russian).
- Niva Zh. (2014). *Alexander Solzhenitsyn: Fighter and Writer*. St. Petersburg, Vita Nova, 336 p. (In Russian).
- Niva Zh. (1978). Solzhenitsyn's word and point of view. *Continent*, no. 18, pp. 309-340. (In Russian).
- Romanov D.A. (2018). The small form epos: linguapoetics of L.N. Tolstoy's and A.I. Solzhenitsyn's short stories. *L.N. Tolstoy and A.I. Solzhenitsyn: Dialogues in the Past tense*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Publishing House, pp. 209-217. (In Russian).
- Rymar N.T. (2004). Irony and mimesis: to the problem of the artistic language of the 20th century. *Irony and parody: inter-university collection of scientific articles*. Samara, Samara University, pp. 4-17. (In Russian).
- Schedrina N.M. (2010). The expression forms of the author's presence. The author's irony role. *"The Red Wheel" by A. Solzhenitsyn and Russian History Prose Second Half 20th Century*. Moscow, Monuments of Historical Thought, pp. 153-162. (In Russian).
- Schmeman A., prot. (2009). *Collection of works. 1947-1983*. Moscow, Russian Way, 896 p. (In Russian).
- Schmeman A., prot. (2021). *Russian Culture Fundamentals: Conversations, 1970-1971*. Moscow, The Russian Way; St. Tikhon's Orthodox University Publishing House, 248 p. (In Russian).
- Solzhenitsyn A.I. (2001). *Collected works: in 9 vols. Vol. 7: In The Soviet Union. 1967-1974; In The West. 1974-1989*. Moscow, TERRA-Book Club, 512 p. (In Russian).
- Solzhenitsyn A.I. (2021). *Collected works: in 30 vols. Vol. 29: Between two Millstones*. Moscow, Time, 880 p. (In Russian).
- Solzhenitsyn A. (2018a). From heritage. Memories. Childhood / the text and notes prepared and published by N.D. Solzhenitsyna. *Solzhenitsyn's notebooks: The Materials and the researches*. Moscow, Russian Way, vol. 6, pp. 5-34. (In Russian).
- Solzhenitsyn A.I. (2018b). *Collected works: in 30 vols. Vol. 28: The Oak and the Calf*. Moscow, Time, 768 p. (In Russian).
- Solzhenitsyn A.I. (1996). *Publicism: in 3 vols. Vol. 2: Public statements, letters, interviews*. Yaroslavl, Upper-Volga Books Publishing House, 624 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Алтынбаева Гульнара Монеровна — докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>, alтынbaevagm@sgu.ru

Information about the Author

Gulnara M. Altynbaeva — Ph.D. in Philology, associate professor, professor of the Department of Russian and Foreign literature, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>, altynbaevagm@sgu.ru

Статья поступила в редакцию 24.09.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 12.04.2024.

The article was submitted 24.09.2023; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 12.04.2024.